

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-124-129

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СУБСТИТУЦИЯ ВО ФРАЗЕМАХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Аглеева Зухра Равильевна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, z.agleeva@yandex.ru

В статье анализируется лексическая субституция в фраземах разноструктурных языков, рассматриваются точки зрения известных фразеологов на природу и механизм вариантности в сфере фразеологии. Приводятся примеры фразеологических вариантов в русском, татарском, казахском и немецком языках.

Ключевые слова: фразема, вариант, вариация, субституция, разноструктурные языки

LEXICAL SUBSTITUTION IN PHRASES DIFFERENT LANGUAGES

Agleeva Zukhra R., Doctor of Philology, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., z.agleeva@yandex.ru

The article analyzes the lexical substitution in phrasemes of different-structured languages, considers the points of view of well-known phraseologists on the nature and mechanism of variance in the sphere of phraseology, gives examples of phraseological variants in Russian, Tatar, Kazakh and German.

Keywords: phraseme, variant, variation, substitution, different-structured languages

Изучение вариантности на языковом и речевом уровнях ведется на протяжении нескольких десятилетий и учитывает сформулированный Ф. де Соссюром принцип линейности речи: на одно место в речевой цепи может быть помещён только один экземпляр-вариант языковой единицы. В трудах К.С. Горбачевича, Р.П. Рогожниковой, В.Н. Немченко, В.М. Солнцева, Е.И. Шендельс, Л.К. Граудиной и др. разработаны теоретические проблемы языковых вариантов в русском литературном языке. Дискуссионные вопросы в области вариантов во фразеологии обсуждаются в работах В.Г. Гака, Н.Н. Семенюк, Е.И. Дибровой, Н.Ф. Алефиренко, А.В. Жукова, М.И. Сидоренко и др. (подробнее мы останавливались на них в главе «Лексические и смысловые варианты в составе фразеологизированных конструкций» монографии [1]).

Способность фразем видоизменять свою экспонентную структуру ставит перед исследователями ряд теоретических проблем [14, с. 62], главными среди которых являются соотношение устойчивости и изменчивости фразем, их тождества и вариантности, когнитивно-прагматическое разграничение явлений фразеологической вариантности и синонимии. Можно выделить несколько точек зрения на природу и «языковой механизм» фразеологической вариантности, согласно которым для неё характерны следующие признаки: (а) денотативно-сигнификативное тождество семантической структуры разных вариантов ФЕ (В.П. Жуков, А.И. Молотков, Н.М. Шанский), которое свидетельствует об устойчивости их когнитивной структуры при возможности различий в сфере их прагматического потенциала; (б) адекватность экспрессивно-стилистических свойств модифицированных фразем (ср.: Е.И. Диброва, В.И. Зимин, Л.М. Колесникова, Р.Н. Попов, Н.А. Стебелькова), что может указывать на общность их коммуникативной прагматики с возможными смысловыми различиями; (в) изменчивость компонентов экспонентной структуры в пределах инвариантного плана выражения фразем (ср.: Л.М. Болгова, В.Г. Гак, А.В. Кунин); (г) тождество этимологического образа и внутренней формы в смысловой структуре вариантных ФЕ (ср.: Г.И. Краморенко, А.Г. Назарян, Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон); (д) стабильность синтаксической структуры вариантных фразем (ср.: А.В. Кунин, О.М. Метеашвили, Э.С. Пауласкене).

Названные критерии фразеологической вариантности, как правило, предполагают в качестве неукоснительного условия сохранения их основного лексемного состава. Существует также мнение, согласно которому релевантным признаком фразеологической вариантности является общность этимологического образа. Фразеологические варианты, по мнению М.Ф. Палевской, – это обороты, в основе которых лежит единый образ, независимо от формы его выражения, даже в том случае, когда фраземы не имеют ничего общего в своём лексическом составе. Однако при таком

понимании «размываются» границы фразеологической вариантности и фразеологической синонимии.

Лингвистические причины вариативности достаточно изучены и в целом могут быть представлены следующим образом: дуализм, асимметричность языкового знака, разнообразие средств вербализации глубинных структур, закон речевой экономии, закон аналогии; взаимовлияние языков, воздействие диалектов, стилевая дифференциация и т.д. Интересно мнение А.А. Залевской, основанное на исследованиях А.Р. Лурия, И.И. Мечникова, А.А. Леонтьева и др.: языковая вариативность обусловлена функционированием определённых психолингвистических предпосылок и механизмов, и её причины объясняются с позиций психосемантики. Развитие речемыслительного действия рассматривается исследователем как последовательность трёх взаимосвязанных процессов: построение образа результата действия, смысловая программа, высказывание. Существенным для понимания сущности вариативности является происходящий на втором этапе (процессе смыслового программирования речемыслительного действия) взаимосвязанный выбор семантических единиц и правил их комбинирования. На третьем этапе выделяются органически связанные друг с другом блоки: выбор стратегии перехода от смыслового кода к внешнеречевому коду, выбор правил комбинирования слов, моторная реализация [8, с. 38–39]. В плане вариантности на фразеологическом подуровне важны выводы Е.И. Дибровой, сделанные ею на материале исследований Н.М. Шанского, В.Л. Архангельского, Б.С. Шварцкопфа, А.И. Фёдорова и др.: «... варианты ФЕ – это модификация (или преобразование, или разновидности, или параллельные образования) одной и той же ФЕ в плане её выражения, не нарушающие плана содержания» [6].

Авторы ЛЭС рассматривают фразеологическое варьирование на примере идиом: «В структуре большинства фразеологизмов-идиом выделяются константные (постоянные) и переменные элементы. Константные элементы образуют основу тождества единицы, переменные элементы создают возможность варьирования. Вариантность фразеологизмов-идиом выражается в видоизменении элементов, соотносимых с единицами разных уровней <...>, а также в изменении количества лексических компонентов, не нарушающих тождества единицы...» [10, с. 606].

Под лексическим варьированием в составе фразем понимается замена компонентов, не нарушающая тождества семантической структуры. В выборе компонентов-заменителей проявляется системный характер языка, о котором пишет в монографии Е.И. Диброва: «Принято выделять преобразования ФЕ в пределах каждого из уровней: лексического, грамматического и фонетического. Иногда классификация имеет иной вид: выделяются лишь лексические и формальные (иначе структурные) варианты. В последний тип авторы включают все преобразования формы фразеологизма. Различия в количественном составе вариантов ФЕ не нарушают понимания сущности самого явления» [6]. Вариантность компонентов-лексем в составе фразем – «яркое проявление динамики единиц лексического и фразеологического уровней в синхронии, их функционально-семантического взаимовлияния, вследствие чего происходит коммуникативно обусловленное усовершенствование фразеологической системы и её развитие» [2, с. 41].

Георгий Александрович Селиванов, характеризуя лексическое варьирование, использовал понятие *лексической субституции* (позднее этот термин использовали Е.И. Диброва, Т.В. Здоховская, А.С. Макарова и др.). Применяется и термин *смещение* – переименования по теме, особенно характерные для ФЕ, где они являются регулярным способом формирования вариантов (В.Г. Гак, Я.И. Рецкер). Замена того или иного понятия смежным, родовым, лежащая в основе смещения (В.Г. Гак, Я.И. Рецкер, Е.И. Диброва и др.), приводит к большому количеству лексических вариантов, что объясняется многочисленностью тематических групп, объединяющих лексемы по родо-видовому признаку. Е.И. Диброва считает «основанием подобной организации слов» предметную область: «Несмотря на отмечаемую внеязыковую обусловленность данных объединений, они, на самом деле, организованы скрытым или явным присутствием господствующего понятия в семантике ряда, которое является родовым по отношению к своим видовым представителям... Члены одной темы называются понятиями одного уровня обобщения и являются понятиями низшего уровня по отношению к высшему корреляту – родовому понятию. Имплицитные или эксплицитные родовые семы (гиперсемы) служат интегрирующим началом для организации предметных групп и включения членов ряда в варианты ФЕ. Видо-видовые различия (гипосемы) нейтрализуются при включении членов предметной группы в вариантную ФЕ» [6, с. 74].

Рассмотрим субституцию в ряду *какая муха укусила / какой комар укусил / какой овод укусил / какая блоха укусила* и т.п. Фразема *какая муха укусила* образована на переосмыслении пропозиции, лёгшей в основу придаточной части гипотетического СПП **Скажи, какая муха тебя (его, её) укусила*. Поведение человека, укушенного мелким, но надоедливим насекомым, тонко отмечено и закрепилось в ироническом контексте, значение которого – ‘чем вызвано такое странное, непонятное поведение; что случилось с кем-либо?’, ‘о странном, необъяснимом поведении кого-л.’, ‘о том, кто не в духе, сердится, нервничает по непонятной причине’: ...*сидели на перилах, курили, и Бочкарев пытался выяснить, какая муха укусила старика, откуда это неожиданное предложение* (Д. Гранин). Варианты данной фраземы представлены на лексическом уровне: варьируемый компонент – существительное из лексико-семантической группы «Насекомое», а именно насекомое, имеющее жалящий хоботок и способное больно или неприятно укусить (*муха, блоха, овод*). Видо-видовые различия не синонимов, но слов одного тематического ряда с гиперонимом *насекомое* нейтрализуются при включении их в вариативную фразу *какая муха (комар, овод, блоха) укусила*. Индивидуально-авторское преобразование фраземы *какая муха укусила* встречаем у Д. Донцовой: *Я с раскрытым ртом наблюдала за восстанием рабов. Что приключилось с парнем? Какая муха его тяпнула?* Лексический вариант *какая муха тяпнула* допустим в связи с наличием в глагольных компонентах общей семы: «Укусить 1. кого-что. Ухватив зубами, ранить // Жалом или хоботком сделать на теле у кого-н. маленькую ранку» [13, с. 863]; «Тяпнуть (прост.) 2. Укусить, схватить зубами» [11, с. 820]. Следует иметь в виду стилистическую дифференциацию этих фразем: инвариант выступает как единица разговорного стиля, а индивидуально-авторский вариант – элемент просторечия. Таким образом, фраземы *какая муха укусила / какой комар укусил / какой овод укусил / какая блоха укусила* являются лексическими вариантами (о морфологической вариантности в данном случае речь не идёт, так как форма рода глагола зависит от рода субститута), а пара *какая муха укусила / какая муха тяпнула* находится в отношениях лексической вариантности и стилистической вариации. Все варианты и вариации выражают тождественное значение – ‘недоуменная реакция по поводу необъяснимого изменения в тоне и поведении коммуниканта’. Высказывание это может быть шутивным или неодобрительным, в зависимости от внезапности реакции собеседника или степени проявления необоснованного поведения. Интересна интерпретация данной фраземы авторами «Историко-этимологического словаря»: «Калька с фр. *quelle mouche vous pique*. Известна с 18–19 вв. Будучи калькой с французского, выражение восходит к суеверным представлениям (распространённым и у славян) о том, что в мух, слепней, жуков и других насекомых мог оборачиваться дьявол. Проникая в рот, нос, ухо или укусив человека, он делал его бесноватым, заставляя его выходить из себя или капризничать. Ср. другие обороты, возникшие на той же основе: с мухами в носу ‘о человеке со странностями, причудами’, мухи в голове у кого ‘о странном, глупом, легкомысленном человеке’, под мухой ‘о человеке в состоянии небольшого опьянения’ (первоначально – с мухой в голове); бзык нашёл на кого ‘о странном, чудачковом настроении у кого-л.’ (бзык – диал. ‘овод, слепень’. Подобные выражения известны многим европейским языкам – ср. нем. *Grillen im Kopf haben* (букв. иметь сверчков в голове) ‘иметь причуды, быть чудачковатым, странным’».

Следует обратить внимание на то, что иногда в контекстах сталкиваются фразема и её свободный синтаксический прототип (ср.: фразема *когда рак на горе свистнет* у Тэффи): – *Скажи, Незнайка, какая муха тебя укусила сегодня? Почему ты такой скучный? – Меня сегодня ещё никакая муха не кусала, – ответил Незнайка. – А скучный я оттого, что мне скучно* (Н. Носов).

В плане сопоставления фразем разноструктурных языков интересна ФЕ *будто аршин проглотил* (‘кто-либо держится неестественно прямо’). Оказиональный вариант фраземы встречается в романе А.И. Шадрина «Смута». Вместо нормативного употребления указанной фраземы наблюдаем изменение союза и лексический вариант именного компонента: *Заметил, что Яков всё ещё стоит у дверей, сказал: – Пройди, аль шест проглотил?* Синонимическая субституция объясняется наличием общей семы в существительных *аршин, скалка, шест, багор*. Последние лексемы весьма употребительны в речи астраханских рыбаков, героев повести А. Шадрина (*оттолкнуться шестом от берега, опереться о шест, орудовать шестом, ударить шестом, подпереть шестом, вытащить багром, подцепить багром* и т.п.). Отсюда и просторечная замена более привычным для героев произведения компонентом. В разговорной речи встречаются и варианты *будто палку проглотил* и даже *будто метр* (деревянная или железная линейка для измерения длины, равная

одному метру, с нанесёнными через каждый сантиметр делениями') *проглотил*. В приведённых примерах замены связаны, естественно, не с единицами измерения, а с тем, что все предметы данной лексико-семантической группы имеют сему 'прямой, не способный сгибаться'.

С.Н. Денисенко в трёхязычном (немецко-украинско-русском) фразеологическом словаре приводит несколько вариантов данной ФЕ: *Er steht (geht) steif wie ein Besenstiel (er steht, geht, als hätte er einen Besenstiel verschluckt; er hat einen Besenstiel im Rücken); als ob er ein Lineal verschluckt hätte; j-d geht, als hatte er eine Elle verschluckt j-d*. Лексические варианты фразем связаны с лексической субституцией: *steht / geht (стоит / идёт), ein Besenstiel / ein Lineal / eine Elle (метла / палка от щетки / линейка / локоть-аршин)*. Вероятно, можно говорить о сходных когнитивных механизмах возникновения этих ФК в разных языках.

В татарском языке употребляются лексические варианты *уклау еткан кебек* (букв. *будто проглотил скалку*) и *аршин еткан кебек* (букв. *будто аршин проглотил*), имеющие значение, тождественное русской компаративной единице *словно аршин проглотил*, – 'прямой, держится неестественно прямо'. Функционирование варианта *уклау еткан кебек* объясняется и многозначностью лексемы *аршин* в татарском языке (и мера длины, и инструмент, с помощью которого измеряют длину). Интересны лексические варианты *уклау еткан кебек* (букв.: *будто проглотил скалку*) и *аршин еткан кебек* (букв.: *будто аршин проглотил*) в татарском языке, имеющие значение, тождественное русской компаративной фраземе.

Увидеть различие между субституцией и близкими по фразеологическим образам, но абсолютно разными по фразеологическому значению компаративными фраземами можно при сопоставлении пары *уклау еткан кебек* (букв.: *будто проглотил скалку*) и *елан еткан кебек* – (букв.: *словно змею проглотил*). Последняя фразема к тому же многозначная: «1) молчаливый, 2) злой, задумавший что-то плохое (как змея, готовит нападение на свою жертву)».

Характеризуя фраземы, синонимичные ФЕ *как у Бога (у Христа) за пазухой*, авторы Словаря под редакцией В.М. Мокиенко, отмечают, что все варианты (славянские) могут быть объединены в одну фразеосхему: *как у Бога за пазухой (за дверями, за рамкой)* 'жить без забот, в безопасности' [4, с. 58]. В татарском языке фразеологическое значение этих компаративных фразем передается синонимической парой *ана карынында яткан кебек* (букв. *лежать как у мамы в утробе*) и *күкәй эчендәге сары кебек* (букв. *как желток внутри яйца*) – самое безопасное место; нет никаких забот, опасностей, тревог. Но при всей близости семантики татарские фраземы объединяет и ещё одна сема, не характерная для русской ФЕ: в них речь идёт не об инфантильных взрослых, их фразеологические образы основаны на детскости, беззащитности и одновременно защищённости плода. Это значение совпадает со значением белорусской фраземы *як у матчыным жываце*, входящей в синонимический ряд *как у за пазухой, як за Богам, як у божым вушку, як у Бога за плячыма, як у Бога за печчу*.

В немецком языке лексические варианты достаточно частотны. Они встречаются, например, в фраземах *Wie ein Ölgötze sitzen (stehen) = starr und stumm, unbeweglich, teilnahmslos (sein)* – стоять (сидеть) как истукан в значении 'быть неподвижным, безучастным'; *seit Adams Zeiten (Tagen)* – со времен (с дней) Адама; *eine grüne Hand (einen grünen Daumen) haben* – (букв. *зелёную руку (зелёный большой палец) иметь*) – иметь лёгкую руку ('о тех, у кого очень хорошо растут цветы, различные растения'); *Da (hier) der Hase im Pfeffer* – (букв. *тут (здесь) заяц в перце*) – в этом вся сложность; в этом причина всех трудностей (соответствие русской ФК (*вот где собака зарыта*)); *schimpfen wie ein Rohrspatz (wie ein Rohrsperrling)* – ругаться последними словами (соответствие русской ФК *ругаться на чём свет стоит*) [Примеры выбраны из немецко-русского фразеологического словаря и словаря С.Н. Денисенко].

Субституция компонентов одного лексико-семантического поля «Еда, пища» представлена в вариантах казахского пожелания *Дәм тұз [нан] атсын [ұрсын]* – (букв. *пусть сразят тебя еда и хлеб (соль)* – 'чтоб (тебя) постигло несчастье', 'пусть постигнет несчастье'. Хлеб и соль – во главе любого стола, им издавна поклоняются; в какой-то степени хлеб обладает магической силой (разбросашь крошки – рассеешь свой достаток), неуважительное отношение к хлебу может навлечь несчастье. Поэтому проклятие хлебом-солью, по мнению использовавших его, имело большое воздействие. Клятва хлебом-солью приравнивалась к клятве жизнью (головой).

Как видно даже из небольшого числа приведённых конструкций, субституция происходит по общим параметрам. Взаимозаменяются глаголы физического состояния (*sitzen / stehen* – *сидеть / стоять*); слова и словосочетания одной темпоральной

группы (*seit Zeiten / Tagen – с тех времён / с тех дней*); зоонимы, называющие небольших по размеру птиц (*ein Rohrsparz / ein Rohrsperling – камышовая овсянка / воробей*); соматизмы, находящиеся в родо-видовых отношениях (*Hand / Daumen – рука / большой палец*); синонимичные наречия (*da / hier – тут/здесь*) и т.д. Типы субституции в основном являются языковыми универсалиями.

Лексическая вариантность – свойство многих языков, независимо от особенностей грамматического строя, так как в трансформациях такого типа отражаются креативные возможности тех, кто, находя сходства между предметами, действиями или явлениями, вводит новую лексему-компонент в состав общеизвестной фраземы чаще всего для того, чтобы актуализировать единицу, придать ей экспрессивную окраску, нередко «осовременить» её. Тут очень важно языковое чутьё, чтобы в результате такого рода актуализации не изменилось значение конструкции в целом.

Список литературы

1. Аглеева З. Р. Лексические и смысловые варианты в составе фразеологизированных конструкций | Смысловая презентация языковой картины мира : монография / З. Р. Аглеева, под ред. Л. Г. Золотых. – М. : Кнорус, Издательский дом «Астраханский университет», 2016. – С. 90–118.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 1993.
3. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович. – М. : Аквариум, 1995. – 768 с.
4. Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
5. Борханова Н. Б. Русско-татарский фразеологический словарь / Н. Б. Борханова, Л. Т. Махмутова. – Казань, 1959.
6. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов-н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1980. – 192 с.
7. Жуков В. П. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка: Ок. 5000 фразеолог. единиц: Ок. 730 синоним. рядов / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляр; под ред. В. П. Жукова. – 2-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ : Ермак, 2005. – 443, [5] с.
8. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
9. Кожаметова Х. К. Казахско-русский фразеологический словарь / Х. К. Кожаметова, Р. Е. Жайсакова, Ш. О. Кожаметова. – Алматы : Мектеп, 1988.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 684 с.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1993.
12. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 17–24.
13. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Буколика, Роосса, 2008.
14. Федулёнок Т. Н. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема // Вестник Оренбургского университета. – 2005. – № 4 (42). – С. 62–69.
15. Словник-довідник з фразеологічної деривації на основі існуючої фразеології німецької мови з перекладом прикладів на українську та російську мови / С.Н. Денисенко. – Вінниця : НОВА КНИГА, 2005. – 288 с.
16. Режим доступа: <https://www.google.com/search?q>, свободный. – Заглавие с экрана.

References

1. Agleeva Z. R. Leksicheskie i smyslovye varianty v sostave frazeologizirovannykh konstruktsij | Smyslovaya prezentaciya yazykovoj kartiny mira / ed. L. G. Zolotykh. M.: Knorus, Publishing House «Astrakhan University», 2016, pp. 90–118.
2. Alefirenko N. F. Frazeologiya v sisteme sovremennogo russkogo yazyka. Volgograd: Peremena, 1993.
3. Binovich L. E. Nemecko-russkij frazeologicheskij slovar'. M. : Akvarium, 1995. 768 p.

4. Biriĥ A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar' / ed. V. M. Mokienko. M. : Astrel' : AST : Lyuks, 2005. 926 p.
5. Borhanova N. B., Mahmutova L. T. Russko-tatarskij frazeologicheskij slovar'. Kazan', 1959.
6. Dibrova E. I. Variantnost' frazeologicheskikh edinic v sovremennom russkom yazyke. Rostov-on-Don : Rostov University Publ., 1980. 192 p.
7. Zhukov V. P., Sidorenko M. I., Shklyarov V. T. Tolkovyj slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka: Ok. 5000 frazeolog. edinic: Ok. 730 sinonim. ryadov / ed. V.P. Zhukov. 2nd ed. M. : Astrel' : AST : Ermak, 2005. 443, [5] p.
8. Zalevskaya A. A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy. M. : Gnozis, 2005. 543 p.
9. Kozhahmetova H. K., Zhajsakova R. E., Kozhahmetova Sh. O. Kazahsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Almaty : Mektep, 1988.
10. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. M. : Sovetskaya enciklopediya, 1990. 684 p.
11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M.: Azbukovnik, 1993.
12. Solncev V. M. Variativnost' kak obshchee svojstvo yazykovoj sistemy // Voprosy yazykoznaniya, 1984, № 2, pp. 17–24.
13. Ushakov D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M.: Bukolika, Roossa, 2008.
14. Fedulenkova T. N. Frazeologicheskaya variantnost' kak lingvisticheskaya problema // Vestnik Orenburgskogo universiteta, 2005, № 4 (42), pp. 62–69.
15. Slovník-dovídník z frazeologické derivací na osnovi isnujućí frazeologíi nímec'koí movi z perekladom príkladív na ukraíns'ku ta rosíjs'ku movi. Vinnicya : NOVA KNIGA, 2005. 288 p.
16. Available at: <https://www.google.com/search?q>.

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-129-132

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РЕКТОРА ВУЗА

Жигулина Татьяна Сергеевна, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, dplyakina@bsu.edu.ru

В данной статье представлены основные подходы к изучению языковой личности, рассмотрена речевая модель поведения коммуниканта, в которой заключаются коммуникативные приоритеты языковой личности, поскольку принадлежность индивида к лингвокультурному сообществу обуславливает его коммуникативное поведение.

Ключевые слова: языковая личность, ректор вуза, вербализация доминантных черт языковой личности

THE LANGUAGE PERSONALITY OF THE UNIVERSITY RECTOR

Zhigulina Tatyana S., postgraduate student, Belgorod State National Research University, 308007, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya st., dplyakina@bsu.edu.ru

This article presents the main approaches to the study of the linguistic personality, considers the speech model of the communicant's behavior, which includes the communicative priorities of the linguistic personality, since the individual's belonging to the linguocultural community determines his communicative behavior.

Keywords: language personality, university rector, verbalization of dominant features of a language personality

Исследование специфики индивидуально-личностных факторов порождения речи начинает свою историю с XVIII–XIX вв. (В. Фон Гумбольдт, И.Г. Гердер). Впоследствии проблема языковой личности исследовалась в трудах Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, Г.И. Богина, В.В. Виноградова, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Т.В. Кочетковой, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачёва, В.А. Масловой. Также данная проблема была исследована такими учеными, как Е.В. Иванцова (диалектная),